

Глава 5

Будет ли ему не всё равно?

Внезапно с вершины горы повеяло прохладой, словно выпал лёгкий снег.

Все взгляды устремились вверх. «Первый старший брат!»

Вань Лайцзин взмахнул рукавом, и поток холодной духовной силы, подобный водопаду, обрушился вниз, погасив пламя, окутывавшее Те Хэнцю.

Под натиском ледяной духовной силы огонь быстро угас.

Алая птица, ошеломлённая внезапной атакой, взмахнула крыльями, издала пронзительный крик и, обратившись в алую вспышку света, исчезла в море облаков, оставив после себя лишь волну жара.

Те Хэнцю, лишившись сил, начал падать, как воздушный змей с оборванной нитью, но всё ещё крепко сжимал в руке бронзовый колокольчик.

Вань Лайцзин, не мешкая, ринулся вниз, подхватил его и плавно опустил на облачную платформу.

Среди учеников поднялся шум.

«Первый старший брат воистину благороден, — восхищался кто-то, — он даже рискнул спасти его».

«Этот Те Хэнцю слишком упрям, — качал головой другой. — Если бы не старший брат, он бы уже превратился в пепел».

Хэ Чуми и Хай Цюншань стояли в стороне, на их лицах было сложное выражение.

Хэ Чуми втайне вздохнул с облегчением, но лишь пробормотал: «...Похоже, ему повезло, не умер».

Хай Цюншань же холодно усмехнулся: «И что с того, что спасся? В таком состоянии он уже ни на что не годен».

Те Хэнцю открыл глаза и с трудом поднял руку, показывая колокольчик: «Старший брат... я... я ведь прошёл...»

Вань Лайцзин смотрел на него тяжёлым взглядом. Помолчав, он наконец медленно кивнул, и его голос разнёсся над платформой: «Те Хэнцю прошёл испытание».

Эти слова вызвали новую волну изумления.

«Он и вправду это сделал!»

«Вырвать колокольчик из пламени Алой птицы... такая воля к победе достойна восхищения».

Хай Цюншань же недовольно качал головой: «Старший брат слишком снисходителен. Разве можно считать, что он прошёл, выглядя так жалко?»

Хэ Чуми смотрел на него со странным чувством. Ему было и неловко, и совестно, но в то же время... он был тронут.

Он тербил пальцы и бормотал себе под нос: «Почему... почему он так отчаянно сражался...»

Эта мысль занозой засела в его голове, не давая покоя.

Вернувшись в свою комнату, Хэ Чуми пребывал в смятении.

Он был сыном знатного рода, с рождения окружённый роскошью, и его комната была полна сокровищ.

Он открыл резной шкаф, забитый редкими духовными травами и артефактами, каждый из которых мог вызвать зависть у любого простого совершенствующегося.

Он достал тысячелетний женьшень.

Опустив голову, Хэ Чуми положил его в шкатулку. «Я просто... не хочу быть ему должным».

Он уже шёл к комнате Те Хэнцю, когда столкнулся с Хай Цюншанем.

Хэ Чуми инстинктивно спрятал шкатулку за спину и, выдавив из себя улыбку, как можно беззаботнее спросил: «Ты тоже идёшь навестить Те Хэнцю?»

«Посмотреть, не умер ли он», — холодно усмехнулся Хай Цюншань.

Сердце Хэ Чуми замерло, но он рефлекторно улыбнулся в ответ.

Хай Цюншань, видя его растерянность, многозначительно улыбнулся: «Я знаю, о чём ты думаешь».

Хэ Чуми вздрогнул, но постарался сохранить самообладание: «Я? О чём я думаю?»

Хай Цюншань с улыбкой приблизился к нему, его дыхание коснулось уха Хэ Чуми: «Ты боишься, что наши проделки раскроются?»

Только тогда Хэ Чуми по-настоящему испугался. Он поднял глаза и увидел, что лицо Хай Цюншаня находится в опасной близости от его собственного.

Хай Цюншань улыбнулся, его глаза сузились: «Не волнуйся, я всё подчистил».

В голове у Хэ Чуми царил хаос, и он даже не заметил, как рука Хай Цюншаня сжала его пальцы.

Раны Те Хэнцю были тяжёлыми, и ему пришлось несколько дней провести в постели.

Вань Лайцзин навещал его несколько раз. В этот раз он принёс с собой шкатулку.

Внутри оказался свежий, сочный тысячелетний женьшень.

Те Хэнцю был удивлён: «Старший брат, ты спас меня, и я уже безмерно благодарен. Как я могу принять такой дорогой подарок?»

Вань Лайцзин покачал головой: «Это не от меня. Я нашёл это снаружи».

«Снаружи?» — недоумённо переспросил Те Хэнцю.

«Когда я подходил, — медленно произнёс Вань Лайцзин, его взгляд был задумчив, — эта шкатулка стояла у твоей двери. Имени на ней не было. Но судя по качеству этого женьшеня, это вещь не из дешёвых, а аромат благовоний, исходящий от шкатулки, похож на тот, что использует четвёртый старший брат».

«Он?» — подумал Те Хэнцю. «Хэ Чуми?»

Хэ Чуми прислал лекарство?

Может, оно отравлено?

Те Хэнцю с подозрением осмотрел женьшень.

Корень был толстым, как человеческое туловище, с отростками, похожими на руки и ноги. На верхушке даже было несколько тонких усиков, словно у маленького человечка.

Зная, что это от Хэ Чуми, Те Хэнцю забеспокоился, что этот женьшень уже обрёл сознание и ночью встанет, чтобы дать ему пару пощёчин.

Или, пока он спит, нальёт ему в рот навоза.

Те Хэнцю не решился его брать. Он закрыл шкатулку и, сменив тему, спросил: «Старший брат, во время испытания с цепями произошло что-то странное. Ты не выяснил, в чём было дело?»

Вань Лайцзин опустил глаза и, помолчав, медленно ответил: «Зал Правосудия провёл расследование, но не обнаружил ничего необычного».

Услышав это, Те Хэнцю понял: Зал Правосудия проявил пристрастность.

Впрочем, выбор школы был очевиден. Четвёртый и пятый старшие братья были выходцами из знатных семей, с влиятельными связями и хорошими способностями.

А он — всего лишь обычный ученик, пробившийся из низов, который едва не провалил вступительное испытание.

Кто важнее, было ясно с первого взгляда.

Школа хотела, чтобы он проглотил обиду.

Но Те Хэнцю не собирался глотать этот зуб. Он лишь спрятал его за щекой, как белка прячет орех.

Чтобы в подходящий момент выплюнуть им прямо в лицо!

Он мысленно усмехнулся, но на лице сохранил спокойствие и кивнул: «Раз старший брат так говорит, значит, мне показалось».

«Хорошо, что ты так думаешь, — равнодушно произнёс Вань Лайцзин, взглянув на него. — Путь совершенствования полон трудностей, не стоит заикливаться на каждой мелочи. Главное, что ты прошёл испытание. Настоящие трудности ещё впереди».

«Я понял, старший брат», — послушно ответил Те Хэнцю.

Он и не собирался ничего расследовать. У него не было никаких доказательств против Хэ Чуми и Хай Цюншаня.

Он лишь хотел поднять шум, чтобы наставник втайне как-то его вознаградил.

Судя по всему, и от старшего брата можно было что-то получить.

Он с печальным видом погладил шкатулку с женьшенем: «Я в жизни не видел такого хорошего женьшеня. Но даже если он у меня, я не знаю, как им пользоваться. У меня нет ни слуг, ни послушников, чтобы приготовить из него лекарство. Для меня это бесполезная вещь. Лучше отдам его тебе, старший брат».

Вань Лайцзин долго смотрел на него, а затем достал флакон с пилюлями: «Ты прав, у тебя здесь нет даже печи. Возьми эти пилюли. Они восполняют ци, как раз то, что тебе нужно».

Те Хэнцю увидел пилюли, и у него глаза на лоб полезли. Пилюля одинокого духа! Чтобы изготовить один такой флакон, нужно три тысячелетних женьшеня и множество других духовных трав!

Она была в десять раз дороже женьшеня Хэ Чуми!

Старший брат и впрямь щедр!

Но станет ли Те Хэнцю со слезами на глазах благодарить его?

Нет!

Он только что заставил старшего брата почувствовать себя виноватым, этим нужно было воспользоваться!

Если он сейчас с радостью примет пилюлю, все его старания пойдут прахом.

Те Хэнцю, придерживаясь образа «простака из глуши, который не разбирается в ценных вещах», с глуповатым видом взял пилюлю и спросил: «Что это за пилюля? Я такую никогда не видел».

Как он и ожидал, Вань Лайцзин не стал хвастаться, а скромно ответил: «Обычное средство для восполнения ци, ничего особенного».

Те Хэнцю с видом «ничего особенного» убрал пилюлю и отдал злополучный женьшень Хэ Чуми старшему брату.

Таким образом, он избавился от сомнительного подарка и не остался в долгу перед старшим братом.

«А было бы забавно, — мрачно подумал он, — если бы этот женьшень и вправду был с навозом! Если бы он достался мне, мне бы пришлось проглотить обиду. Но если он достанется старшему брату, Хэ Чуми точно не поздоровится!»

Те Хэнцю повертел в руках флакон с пилюлей, кончики его пальцев слегка потеплели.

Это было действительно редкое сокровище, о котором многие могли только мечтать, готовые отдать за него жизнь.

А теперь оно лежало в его руке, словно случайный дар судьбы или результат его отчаянной борьбы.

Насмешки Хай Цюншаня его злили.

Но с одним его утверждением Те Хэнцю был согласен: «Те, кто пробился из низов, всегда полны коварных мыслей и мечтают о том, чего недостойны».

У Те Хэнцю действительно было много коварных мыслей.

И он действительно любил хорошие вещи, которых был недостоин.

Например, этот флакон с Пилюлей одинокого духа.

Например, Юэ Бочжи.

При мысли о Юэ Бочжи его сердце забилося чаще.

Он посмотрел на Вань Лайцзина и спросил: «К следующему новолунию я поправлюсь?»

Вань Лайцзин нахмурился, не понимая, к чему он клонит.

«Каждое новолуние, — напомнил Те Хэнцю, — я должен носить Отвар снежной души Юэ-цзуню на Пик Ста Чжанов».

Только тогда Вань Лайцзин вспомнил.

Это утомительное поручение раньше выполняли все по очереди.

С тех пор как пришёл Те Хэнцю, это стало его единоличной обязанностью, и все к этому привыкли.

«В этом... ты был обижен», — сказал Вань Лайцзин, глядя на Те Хэнцю.

«Старший брат, что ты, — покачал головой Те Хэнцю, его тон был спокоен. — Я не считаю это обидным. Для меня честь носить отвар Юэ-цзуню».

Услышав это, Вань Лайцзин нахмурился: «Ты так тяжело ранен, я найду тебе замену. Дорога на Пик Ста Чжанов опасна, в твоём состоянии тебе не стоит рисковать».

Сердце Те Хэнцю сжалось, он инстинктивно хотел возразить: «Старший брат, я...»

Но слова застряли у него в горле. «Я читал в романах, — подумал он, — что, добиваясь расположения возлюбленного, нельзя всё время идти в атаку, нужно уметь и отступать. Например, если дарить цветы каждый день в течение двадцати одного дня, то на двадцать второй нужно сделать перерыв и посмотреть на реакцию. Я носил отвар уже год. Если я вдруг не приду, заметит ли Юэ Бочжи? Будет ли ему не всё равно?»

Этот вопрос, словно птица, кружил в его голове.

И он, сменив тон, с некоторой неуверенностью произнёс: «Старший брат прав, мне сейчас действительно не стоит рисковать. В таком случае, прошу тебя, найди кого-нибудь на замену в этот раз».

«Я всё устрою, — кивнул Вань Лайцзин. — А ты спокойно лечись».

Те Хэнцю кивнул, но в душе уже с нетерпением ждал следующего новолуния.

Он хотел знать, как отреагирует Юэ Бочжи, когда увидит, что отвар принёс не он.

Удивится ли он, спросит ли что-нибудь или... ему будет всё равно?

Этот вопрос, словно семя, пустил корни в его сердце.

Он и боялся узнать ответ, и не мог удержаться от искушения.

После ухода Вань Лайцзина Те Хэнцю опёрся на подушку и посмотрел в окно, его мысли были далеко.

В стороне Пика Ста Чжанов клубились облака, и ему вспомнились строки: «Прекрасная, как цветок, но отделена облаками».

Эх, вечная тоска, что разрывает сердце.

<http://bllate.org/book/16975/1581688>